

Boriss Cilevičs

19 March 2023

Реакцией на российскую агрессию против Украины вполне предсказуемо стало, помимо прочего, “закручивание гаек” в отношении русскоязычных латвийцев. Грех жаловаться - наши дома не бомбят. Нас не мобилизуют, чтобы идти убивать соседей. Но и мы получили свою часть collateral damage - сопутствующего ущерба.

Проявилось это, в частности, и в языковой политике. Не буду перечислять все нововведения, они известны, мы их ощущаем. Давайте лучше посмотрим, каковы основные тренды, концептуальные изменения в этой области.

1. Официальная и частная сферы

Прямо сейчас происходит легитимация нового этапа – закрепление права государства регулировать язык частного общения. До сих на всех уровнях признавалось, что в неформальном общении люди имеют полное право сами выбирать язык. И в законе до сих пор есть ч.3 ст.2: Likums neattiecas uz valodu lietošanu Latvijas iedzīvotāju neoficiālajā saziņā. Да, шли споры о том, где проходит граница между частным и публичным, но сам принцип сомнению не подвергался.

Первой ласточкой, ещё до войны, стало распространение одинаковых языковых норм на публичные и частные школы. Этот вопрос сейчас рассматривает Европейский суд по правам человека, и, полагаю, вероятность признания этого подхода не соответствующим Конвенции высока.

“Со свистом” проходит в Сейме закон, запрещающий предвыборную агитацию на любых языках, кроме государственного (с оговорками для языков ЕС на муниципальных и европарламентских выборах). Законопроект не новый, до сих его несколько лет спускали на тормозах под давлением юристов, ведь кандидат в депутаты – не должностное лицо, и его общение с избирателями нельзя считать официальным. Это подтвердил и Европейский суд по правам человека в решении по делу Şükran Aydın and Others v. Turkey – суд счёл запрет на использование в избирательных кампаниях любого языка, кроме турецкого, нарушением свободы слова. Сейчас такие “мелочи” депутатов уже не интересуют 😞.

Более того, упоминание “права на использование государственного языка в неофициальном общении” всё чаще появляется и в текстах юридического характера. Раз у кого-то есть такое право – значит, у собеседника есть обязанность говорить на латышском. Противоречие с нормой закона очевидно. Вероятно, именно поэтому в политическом дискурсе всё чаще используются эвфемизмы - например, вместо понятия “государственный язык” используется “общий язык”. Тут проявляется ещё одна тенденция.

2. Сакрализация языка

Тенденция не новая, её продемонстрировало, в частности, принятие преамбулы к Сатверсме, но за последний год получила стремительное развитие. Суть в том, что латышский язык считается основной ценностью, а защита и развитие латышского – главной функцией государства.

Вообще-то базовые ценности современного демократического государства иные – свобода индивида, справедливость, равенство, благосостояние, мир, стабильность... Конечно, поддержка и защита культурной идентичности и языка – легитимная цель, но

средства её достижения не должны противоречить вышеперечисленным основным ценностям.

В современном обществе разнообразие - это норма. У нас же всё более явно доминирует концепция, согласно которой нормой является единообразие – когда все говорят на одном языке. Именно поэтому язык большинства всё чаще называют “общим языком”. Языковое разнообразие рассматривается как аномалия, которую нужно исправить – помимо прочего, и в интересах самих людей с другими родными языками, надо помочь им стать “нормальными”, т.е. ассимилироваться.

На самом деле и с точки зрения ценностей, и буквы закона государственный язык – это язык, который предписано использовать в определённых официальных ситуациях. Это вполне оправданно, более того – необходимо, чтобы государство могло нормально функционировать. Правильно и требовать владения государственным языком от госчиновников и тех работников, в чьи обязанности входит общение с индивидами. Но нынешняя концепция трактует эту обязанность гораздо шире – как демонстрацию лояльности, моральный долг каждого латвийца. Именно поэтому люди с другими родными языками должны говорить на латышском и в тех ситуациях, в которых закон этого не требует. Включая и те, в которых они являются клиентами.

“Atkrieviskošana” и “latviskošana” не могут быть легитимной целью демократического государства – как и любая политика, направленная на изменение культурной идентичности или моделей языковой коммуникации за пределами официального общения. Тем более если для достижения этих целей используются законодательные ограничения, давление, моральное осуждение и т.п., что мы сегодня видим не только в “твиттерном пузыре”, но и далеко за его пределами.

Использование других языков, наряду с официальным, необходимо для обеспечения фактического равенства между большинством и меньшинством – в этом суть современных европейских стандартов, в частности, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Например, в регионах, где языковое меньшинство исторически составляет значительную долю жителей (как у нас в Даугавпилсе), конвенция предусматривает использование языка меньшинства, наряду с официальным, в общении с органами государства и самоуправления.

Пренебрежение этими принципами усиливает неравенство. Идеальная ситуация равенства – не тогда, когда все говорят на одном языке, а когда каждый имеет возможность использовать язык по своему выбору. Конечно, на практике этот идеал недостижим, но там, где использование других языков возможно и соразмерно, отказ от него никак не совместим с принципами полного и эффективного равенства. За последний год мы явно двигались в сторону, противоположную этим принципам.

3. Язык как инструмент обеспечения безопасности

Пока что дополнительные требования предъявлены к людям, которые поменяли статус негражданина Латвии или латвийское гражданство на гражданство РФ. По закону, действовавшему до 2022 года, они получали постоянный вид на жительство (ПМЖ) автоматически. Но с 1 сентября ПМЖ аннулируется, и для его восстановления нужно сдать экзамен по латышскому языку и доказать наличие установленного уровня доходов. От языковых тестов освобождаются люди старше 75 лет и имеющие некоторые медицинские диагнозы.

Под удар попала одна из самых социально уязвимых групп. Львиную долю составляют женщины, которые приняли гражданство РФ, чтобы получать российскую пенсию, ведь там пенсионный возраст существенно ниже, чем в Латвии.

Возникают вопросы. А как же принцип правовой определённости, можно ли менять правила в ходе игры? Неужели именно эта группа представляет наибольшую угрозу для Латвии? И вопрос, существенный в контексте нашей темы - действительно ли владение латышским гарантирует, что человек не представляет угрозы для безопасности государства?

Типичная ситуация: дети знают латышский, прошли натурализацию, работают, поддерживают пожилых родителей - и теперь на них падает вот это всё... Для пожилых людей вообще любые изменения чреваты серьёзным стрессом, их надо успокаивать, уговаривать, нередко водить за ручку - причём во многих случаях без надежды на результат (т.е. успешную сдачу экзамена). Плюс оплачивать счета и представлять финансовые гарантии, если у родителей нет латвийской пенсии (хорошо, если у детей есть достаточные "белые" доходы). Ну и как эти люди будут относиться к государству, которое ещё и это вешает на них - помимо более или менее объективных вещей вроде пандемии или роста цен? Реакция нормального человека: да блин, отстаньте вы уже от стариков, которые потеряли и пенсии, и сбережения, и привычную среду, дайте уже людям помереть спокойно... И кому это выгодно? Только российской пропаганде. Я уж не говорю о ситуации, когда у этих пожилых людей нет детей, которые могут поддержать – что их ждёт? Депортация в Россию, которую они покинули полвека назад или в которой вообще никогда не жили, где у них нет ни жилья, ни зачастую родственников, ни поддержки?

Помогут ли эти тенденции реально “укрепить” латышский язык, повысить его роль? Сильно сомневаюсь...

<https://www.facebook.com/boriss.cilevics/posts/pfbid042x9kJaYqgJiiNtMmvLxVr9dKjSqxw1oGocJYPstQVbrGUdXm4S8tqFMe6H42jdl>